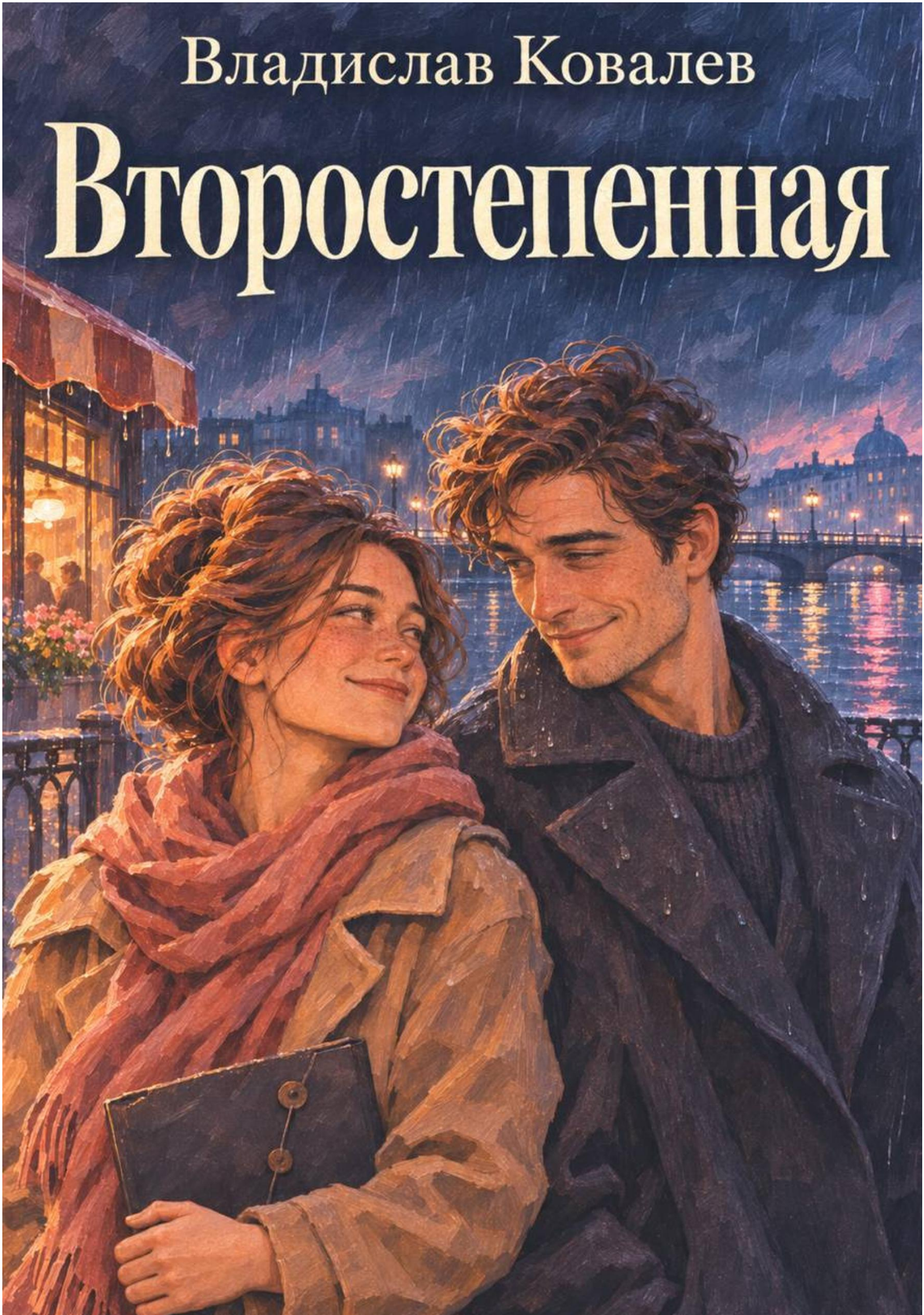
Владислав Ковалев

Второстепенная



Владислав Ковалев

Второстепенная

«Автор»
2026

Ковалев В. А.

Второстепенная / В. А. Ковалев — «Автор», 2026

Марина умеет всё, что положено лучшей подруге: вовремя принести кофе, выслушать и остаться за кадром. В её городе даже дождь начинается ради чужой истории. Но однажды, в забытый день рождения, она совершает маленькую эгоистичную глупость — и в соседнем нуарном квартале пропадает человек.Лев Сомов, вечный напарник великого сыщика, берётся за дело. По правилам их жанров они не должны сближаться. Тем более Марина слышит то, чего не слышит никто: его закадровый голос.Пока город подсовывает им готовые реплики и удобные развязки, двое второстепенных персонажей пытаются найти пропавшего, разобраться друг в друге и получить право на собственное продолжение. Романтическая комедия о любви, дружбе и жизни после чужого финала.

© Ковалев В. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Столик у окна 5
Глава 2. 23:00, Разводной мост 14
Глава 3. Лилии не в тот час 22
Глава 4. Подозреваемый 29
Глава 5. Бинокль в форме сердечка 35
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Второстепенная

Глава 1. Столик у окна

Марина. Сиреневый квартал. Четверг.



Мужчина у окна собирался заказать вторую чашку. Я видела, как он поднял руку, как официантка кивнула и достала блокнот. Потом в кафе вошла Алиса.

Мужчина посмотрел на часы.

— Счёт, пожалуйста.

Я придержала дверь, пропуская подругу, и мысленно поставила ещё одну галочку.

Столик у окна освобождался всегда, если я приходила с Алисой. Не один из столиков. Третий от двери, с широким подоконником и розеткой под сиденьем. Однажды там праздновали годовщину свадьбы. Стоило нам появиться, как супруги решили, что лучший подарок — прогулка.

Сегодня обошлось одним мужчиной.

— Как удачно, — сказала Алиса.

— Угу.

Официантка уже несла две чашки.

— Мне без корицы, — напомнила я.

— Конечно.

На моей пенке лежало коричневое сердечко. Я взяла ложку и утопила его.

Алиса расстегнула пальто. На рукаве у неё блестела капля, хотя дождя не было с понедельника. Или со вчерашнего дня. С этим у меня в последнее время возникали сложности.

— Он опять прислал фотографию завтрака, — сказала она, устраивая телефон между сахарницей и вазой.

— Кто на этот раз?

— Тот, который консультант.

— По какому вопросу?

— Я не уточняла. Посмотри, он нарисовал соусом моё имя.

Я наклонилась. На тарелке действительно было что-то красное, похожее на «Алиса». Или на инструкцию, как не надо пользоваться кетчупом.

— Ты же с ним рассталась.

— Вчера.

— Тогда он мог бы просто вымыть посуду.

Алиса рассмеялась и протянула руку за сумкой. Ремешок зацепился за ножку стула, локоть толкнул чашку, а дальше всё произошло очень аккуратно. Кофе перелился через край блюдца ровно в ту секунду, когда мимо проходил мужчина в светлом пальто.

Он успел подставить ладонь под чашку. Это не помогло его рубашке, зато спасло подругу от горячих брызг.

Я убрала телефон со стола. Такие вещи следовало делать заранее.

— Господи, простите! — Алиса вскочила. — Сейчас, у меня есть салфетки.

В сумке у неё нашлись ключи, два крема, засохший лист, зарядка без провода и помада. Салфетки лежали перед ней в деревянной коробке.

Я подала коробку мужчине.

— Спасибо, — сказал он мне, а потом посмотрел на Алису. — Вы не обожглись?

— Это я должна спрашивать.

— Тогда давайте по очереди.

Она засмеялась снова, уже совсем иначе.

Я нашла на стойке ещё пачку салфеток. Официантка улыбалась. Мужчина у окна почему-то не уходил: стоял возле кассы с оплаченной квитанцией и тоже улыбался. Потом он будто вспомнил, что опаздывает, и вышел.

Я проводила его взглядом. За стеклом он остановился, раскрыл чёрный зонт и посмотрел вверх. Солнце светило прямо на его лысину.

Очень хотелось пойти следом и спросить, куда он торопился.

— Марин, — позвала Алиса, — у тебя же есть этот карандаш? Которым пятна выводят.

Карандаш у меня был. Пластыри тоже. И маленький швейный набор, которым я за последние полгода спасла четыре её свидания и ни разу не пришила пуговицу себе.

Я достала всё необходимое.

Мужчину звали Артём. Он охотно отодвинул пальто, пока Алиса промокала салфеткой его рубашку. Пятно получилось похоже на полуостров с внутренним морем.

— Дома сразу замочите, — сказала я. — И без горячей воды.

— Запомню.

Алиса наконец заметила, как близко стоит к нему, и отступила. Каблук попал под ножку стула. Артём придержал её за локоть.

Я села и допила кофе.

Вода в уличном желобе за окном дрогнула. Через несколько секунд по стеклу постучали первые капли.

— А ведь обещали ясно, — сказала официантка.

— Это ненадолго, — ответила я.

Зонт у Артёма оказался большим. Он предложил проводить Алису до остановки. Она собиралась в другую сторону, но выяснилось, что и ему туда удобнее. Я почему-то заранее знала, что выяснится именно это.

— Ты со мной? — спросила подруга.

Под зонтом хватило бы места двоим. Мне достались бы край ткани и стекающая за шиворот вода. Это тоже было проверено.

— Мне ещё здесь кое-что нужно.

— Тогда увидимся вечером? Я забегу.

— Во сколько?

Алиса уже смотрела на Артёма.

— Созвонимся.

Они вышли. Через стекло я видела, как она что-то рассказывает, придерживая его под руку. Дождь закончился раньше, чем они дошли до угла. Зонт они не закрыли.

Я достала маленький блокнот в синей обложке и открыла последнюю страницу.

«Столик у окна свободен всегда, если со мной Алиса».

Под этой записью стояли шесть дат. Я добавила седьмую, сверилась с телефоном и замерла.

Сегодня был четверг.

В понедельник я покупала новую упаковку корицы. Зачем — сама не понимала, ведь терпеть её не могла. Вчера я собиралась выбросить упаковку, но не успела: позвонила Алиса.

Из этого следовало, что вчера был понедельник.

Я перелистала блокнот. Между записью о корице и сегодняшним кофе оставались две пустые страницы. Обычно я оставляла по странице на день, даже когда записывать было нечего.

— Девушка, — сказала официантка, — вам ещё что-нибудь?

Я закрыла блокнот ладонью.

— А во вторник я здесь была?

Она задумалась.

— Вы с подругой?

— Без неё.

— Не помню.

— А в среду?

Официантка посмотрела на кассу, будто там могли храниться сведения о моей среде.

— У нас обычно кто-нибудь из девочек другой смены.

— Понятно. Спасибо.

Она унесла блюдце. На столе осталось влажное кольцо, и я обвела его пальцем: вполне настоящее. Никто не спорил с тем, что я сидела здесь сейчас. С этим следовало разобраться до того, как переходить ко вторнику.

На первой странице блокнота было написано: «Не делать выводов по одному случаю».

Ниже — «По двум тоже».

А ещё ниже, другим нажимом: «Алиса получает такси за тридцать секунд. Даже ночью. Даже в дождь. Даже если приложение пишет, что машин нет».

Я долго смотрела на эту запись.

Потом расплатилась.

* * *

Дома я поставила пакет с продуктами на кухонный стол и прошла в коридор.

Там были три двери.

Одна вела в ванную. Вторая — в комнату с диваном. Третья не открывалась.

Не то чтобы её заперли. Ключ поворачивался, ручка опускалась, но дальше дверь упиралась во что-то плотное. Никакого скрипа, никакого зазора. Я давно перестала держать там швабру: однажды та пропала на два дня и вернулась совершенно сухой, хотя я помнила, что мыла пол.

Кухня работала безупречно. В чайнике всегда хватало воды для двух чашек. Свет над столом делал лицо Алисы особенно красивым, даже когда она плакала. Сломанная розетка начинала работать, стоило ей сесть рядом с разрядившимся телефоном.

У меня от той же розетки зарядка не шла.

Я включила провод. Проверила значок батареи. Ничего.

— Очень смешно, — сказала я кухне.

Холодильник загудел.

В дверце лежали яйца, сыр, банка оливок и маленький торт в белой коробке. Торт я купила по дороге. Продавщица спросила, какую надпись сделать, и я ответила, что никакой.

Мне стало неловко объяснять, что поздравлять придётся саму себя.

Я сняла пальто и достала из кармана паспорт. Для покупок он не понадобился, просто с утра захотелось убедиться в нескольких вещах.

Марина Подругова.

Место жительства — город R. Букву нигде не расшифровывали. В справочнике, на квитанциях и на картах она оставалась одной и той же, и никто не просил написать название полностью.

Я прочла фамилию вслух. Она не стала менее странной.

У Алисы была Солнцева. Ей подходило. Даже в плохую погоду люди принимали её за хорошую новость.

Моя фамилия сообщала о профессиональной пригодности.

Я положила паспорт на стол, открыла телефон и нашла календарь. Сегодняшняя клетка была пустой. Я добавила событие «День рождения», поставила напоминание и нажала «Сохранить».

Пока чистила картошку, телефон пискнул.

«Алиса: он позвал меня сегодня ужинать».

Я написала: «Здорово».

Потом стёрла и написала: «Во сколько?»

«В десять. Представляешь, в “У воды”. Я ему даже не подсказывала».

В «У воды» я бывала. Три раза, по разным поводам, связанным с разными мужчинами Алисы. Вечером там зажигали свечи, а столики у стеклянной стены не требовали брони, если приходила она.

«Очень за тебя рада», — ответила я.

Это было правдой. Просто я успела понадеяться, что вечером мы останемся вдвоём.

«Я к тебе забегу перед этим? На десять минут. Посмотришь платье».

Я набрала: «Сегодня вообще-то…»

В верхней части экрана появились три прыгающие точки.

«Не розовое? Розовое слишком? После кофе он и так поймёт, что я катастрофа».

Я посмотрела на недописанную фразу. Удалила её.

«Приходи».

Потом добавила:

«И розовое тоже возьми».

Напоминание о дне рождения не сработало. Когда я снова открыла календарь, там стояла только запись: «Алиса. Платье. 21:30».

Я не помнила, чтобы её создавала.

Вместо того чтобы написать подруге ещё раз, я достала с полки две хорошие тарелки.

* * *

Алиса пришла в двадцать минут десятого с платьем через руку и одним накрашенным глазом.

— Я к тебе как на спасательную станцию.

— Заходи. У спасательной станции картошка остывает.

— Ой, я же не могу есть. Ужин.

Она всё-таки взяла вилку и попробовала кусочек прямо со сковородки.

— Очень вкусно. А что за повод?

У меня появилась прекрасная возможность ответить.

Я стояла у плиты. На столе лежал мой паспорт, в холодильнике — торт, и ничего не мешало сказать три простых слова.

— Картошка была, — ответила я.

Алиса улыбнулась с набитым ртом, и я убрала паспорт в ящик.

Она переодевалась в комнате с диваном. Из коридора я слышала, как платье цепляется за молнию сумки и как подруга негромко ругается. Пришлось помочь.

— Вроде не слишком? — спросила Алиса у зеркала.

— В самый раз.

— А серьги?

Я подала серьги. Застегнула одну, пока она красила второй глаз. Подруга посмотрела на меня в отражении.

— Ты сегодня какая-то тихая.

— Я всегда тихая, когда у тебя в руке тушь. Опасно разговаривать.

— Нет, правда. У тебя всё нормально?

Мне вдруг стало легче. Она заметила. Можно было больше ничего не устраивать.

— Я хотела…

Телефон на тумбочке запел.

Алиса схватила его и рассмеялась:

— Это он. Подожди секунду.

Она ушла на кухню. Я осталась рядом с зеркалом, с её второй серьгой на ладони.

Когда разговор закончился, минутная стрелка успела пройти почти половину круга.

— Он очень смешной, — сказала подруга. — Но спокойно смешной. Не как консультант, который сначала объяснял шутку, а потом спрашивал, поняла ли я.

— Это важное качество.

— Я говорила, что задерживаюсь, он говорит: «Я уже привык к кофе на рубашке, с ужином тоже справлюсь». Марин, ну разве так можно?

Можно было многое, если у тебя имелся свой столик у окна.

В двадцать один сорок пять она заказала машину.

— Три минуты, — сказала Алиса. — Всё, я надеваю туфли. Ты вечером дома?

— Дома.

— Напишу, как прошло.

Подруга побежала в ванную поправлять губы. Телефон остался возле моей тарелки.

Я посмотрела на экран.

Маленькая машинка стояла за углом. До прибытия — две минуты.

В блокноте в коридоре лежали семь правил, шестнадцать наблюдений и две пустые страницы. Я могла записать ещё одно наблюдение. Просто проверить. Одна отменённая машина ничего не значила: следующая всё равно приходила через тридцать секунд.

Я нажала «Отменить поездку».

Приложение спросило, уверена ли я.

Пришлось нажать ещё раз.

Из ванной донеслось:

— Слишком ярко?

— Нет!

Я положила телефон экраном вниз и взяла свою чашку обеими руками.

Вот теперь я знала, зачем.

Мне хотелось, чтобы она осталась. Не на десять минут между мужчиной и другой одеждой. Хотя бы на час.

Сказать это прямо оказалось труднее, чем дважды нажать кнопку.

Алиса вернулась, взяла телефон и нахмурилась.

— Странно. Отмена.

— Закажи ещё.

Она нажала на экран.

Мы подождали.

Приложение искало водителя.

Я успела убрать серьгу в коробочку и снова достать, потому что подруга так и не надела вторую. Поставила чайник. Открыла окно: от плиты было жарко.

Тридцать секунд кончились.

— Нет машин, — удивилась Алиса.

Я поставила перед ней тарелку.

* * *

До этого вечера я не знала, как много времени помещается между двумя вызовами такси.

Сначала Алиса писала Артёму, что немного опоздает. Потом съела картошку. Потом мы нашли старую фотографию, на которой она пыталась покрасить мне волосы и держала кисточку так, будто собиралась отреставрировать небольшой комод.

— Ты же тогда сказала, что красиво!

— У тебя в руках был оставшийся краситель. Я берегла отношения.

Мы рассмеялись одновременно. Так, что пришлось вытереть стол.

Алиса села на подоконник, сняв туфли. У неё в чулке появилась маленькая дырка. Я дала ей иголку с ниткой и объяснила, почему лаком эту дыру уже не спасти.

— Откуда ты всё знаешь?

— Ищу себе полезные занятия.

Она посмотрела на меня, потом на иглу.

— А ты чего хотела? Ты начала в комнате.

У меня внутри что-то дёрнулось.

— Я…

За окном проехал трамвай. На кухне потемнело, потом снова стало светло.

Можно было всё сказать. День рождения никуда не делся бы от того, что час начался с отменённого такси.

Но тогда пришлось бы объяснять и такси.

— Думала переставить стол, — сказала я. — От окна подальше.

Алиса оглядела кухню.

— Зачем? У тебя здесь самое хорошее место.

— Понятно.

Она положила мне руку на плечо.

— Можно и переставить. Хочешь, в выходные вместе? Я эти стулья ненавижу двигать, они цепляются.

Я кивнула.

Это было настоящее предложение. Не красивое, не значительное. В нём были моя кухня, наши субботние ноги и тяжёлый стол.

Я почти убедила себя, что ради этого стоило нажать кнопку.

В двадцать два тридцать две телефон Алисы зазвонил. Она посмотрела на экран и сразу надела туфли.

— Да. Я ещё у подруги. Нет, не передумала. Конечно, хочу…

Я отвернулась к плите.

Разговор длился недолго. Подруга объяснила, что Артём пока отойдёт за цветами: рядом с рестораном всё уже закрыто, а на той стороне реки есть круглосуточная лавка. Потом подойдёт за ней, если машина так и не найдётся.

— За тобой сюда?

— Сейчас скину адрес.

Алиса начала писать и замерла: в приложении нашёлся водитель.

— О, наконец-то. Семь минут.

Я смотрела на маленькую машинку. Не появилось ни песни, ни солнечного луча, ни обещанных тридцати секунд. Водитель стоял в пробке, ругался в сообщениях и приехал через пятнадцать минут.

За это время Алиса трижды переписывала объяснение Артёму. То хотела сказать, что выезжает, то — что лучше встретиться у дома, потому что ресторан скоро закроется. Потом решила сначала сесть в машину и разобраться по дороге.

Я могла вмешаться и помочь ей выбрать. Вместо этого принесла пальто.

Мне уже стало стыдно.

В двадцать два пятьдесят Алиса поцеловала меня в щёку.

— Спасибо. Без тебя я бы вообще никуда не собралась.

— Позвони ему сразу, как сядешь, — сказала я.

— Сейчас напишу. Не волнуйся. У тебя там картошка осталась, поешь нормально.

Дверь закрылась.

На столе стояли две пустые тарелки. В раковине лежала сковородка. С улицы поднялся запах мокрого камня, хотя возле моего дома ещё не было дождя.

Я достала из холодильника торт, открыла коробку и поставила его на место Алисы.

На нём было три шоколадных листа.

Свечку я не купила.

Я попробовала набрать в телефоне «С днём рождения» и посмотреть, кому это можно отправить. Список контактов предложил Алису. Больше никого в нём не было.

В двадцать три ноль одну от неё пришло сообщение.

«Я у ресторана. Его нет».

Следом: «Наверное, разошлись. Зачем я вообще полезла с этими цветами».

Я нажала вызов.

Подруга ответила не сразу. По звуку я поняла, что она стоит на улице.

— Алиса, он же сказал, что пойдёт на ту сторону. Ты ему позвонила?

— Сейчас. Я думала, он уже вернулся. Тут за нашим столом сидят другие.

В голосе было что-то маленькое и несчастное. Как будто ей стало неловко занимать место даже перед пустым входом.

— Не стой там. Зайди внутрь.

— Сейчас.

Она отключилась.

Первая капля ударила по металлическому подоконнику так громко, что я вздрогнула.

Через минуту дождь закрыл противоположный дом.

Я стояла у окна с телефоном в руке. За рекой на Мокром берегу дождь шёл всегда. Обычно его можно было отличить от нашего: там он косо блестел в свете фонарей, а здесь шумел по крышам и пах нагретыми водостоками.

Сегодня между ними не осталось сухой полосы.

Ливень растянулся от моего окна до дальних причалов, накрыл середину реки и упёрся в Разводной мост. Там загорелся один фонарь — слишком белый на общем жёлтом фоне.

Я положила ладонь на стекло.

Если бы всё работало как обычно, Алиса давно сидела бы за столиком у воды. Я ела бы торт и ждала рассказа о свидании. Утром снова слушала бы, какой Артём замечательный.

Я посмотрела на кухонные часы.

Мне достался целый час.

И я понятия не имела, сколько за него придётся заплатить.

Глава 2. 23:00, Разводной мост

Лев. Мокрый берег. Тот же четверг.

В тот день мне впервые доверили клиента без присмотра.

До этого доверяли вещи: конверт, который следовало доставить; машину, из которой нельзя было выходить; кофе, который требовалось принести, пока он ещё способен называться кофе. С конвертами я справлялся. Кофе остывал сам, но отвечать за это почему-то приходилось мне.

Семён Боков появился в конторе в двенадцать семнадцать. Я запомнил время, потому что настенные часы как раз перестали отставать.

На нём был недорогой костюм, хороший галстук и плащ с одной заметно более светлой пуговицей. Мужчина держал папку на груди, как ученик, которого вызвали к директору. У порога он остановился и улыбнулся.

— Ну что, работаем?

Морок поднял на него глаза.

Боков ждал.

За стеной треснула труба.

Улыбка клиента погасла не сразу: сначала он проверил, не придётся ли улыбнуться шире.

— Смотря над чем, — сказал Морок. — Присаживайтесь.

Я поставил третью чашку. У нас как раз нашлась чистая.

— Семён Боков, — представился мужчина. — Я, собственно, ненадолго. Может быть, у меня вообще ничего такого нет.

Морок молча подвинул к нему пепельницу. Гость не курил, но пепельница обозначала начало разговора: после неё люди обычно понимали, что время уже идёт.

— За мной ходят люди с бланками, — сказал Боков.

Я положил перед собой лист.

— Какие люди?

— Обычные. Мужчина и женщина. У мужчины вот здесь волосы примяты.

Он показал на висок.

— От головного убора?

— Не знаю. Может, он спит на этой стороне.

Морок посмотрел на меня. Я записал и эту возможность.

— Они вам угрожали?

— Нет. Они очень вежливые. Сказали, надо сверить, всё ли завершено.

— Что именно?

Боков развёл руками.

На пальцах у него были следы чернил. В папке лежали листы, сложенные так ровно, что стало ясно: до нашего кабинета он успел несколько раз их достать и убрать.

— У нас в офисе закончилось одно… — Он нахмурился. — В общем, произошло хорошее событие. Двое коллег поженились. Мы им столы сдвигали, чтобы сидеть рядом. Я купил большой степлер в виде рыбы. Забавный, знаете? Нажимаешь — она кусает.

Морок не знал.

— Всем нравилось, — добавил Семён. — До свадьбы. А теперь они работают дома. Остальные тоже куда-то разошлись. Я утром прихожу, здороваюсь, а отвечать некому.

— Офис закрывается?

— Нет. Не знаю. Мой пропуск действует.

Он вытащил пластиковую карточку. Фотографию на ней сделали неудачно: мужчина будто начал говорить в момент вспышки.

Я переписал номер пропуска и фамилию. На карточке не было названия конторы, только фотография, полоска для считывателя и четыре цифры. Боков следил за ручкой с таким вниманием, словно эти сведения могли стать убедительнее оттого, что их переписал кто-то ещё.

— Дома тоже приходили, — сказал он. — Позавчера, и вчера. Один раз оставили это.

Он подал сложенный лист.

Бумага была плотная, желтоватая, с оттиском двух пересекающихся полос. Наверху стояло: «Извещение о сверке». Ниже — фамилия получателя и строка «По завершении текущего участия».

На обороте от руки дописали:

«Четверг. 23:00. Разводной мост. Фонарь № 6. При себе иметь личные вещи».

— Это сегодня, — заметил я.

Боков кивнул.

— Думал не ходить. Потом подумал: придут домой. Если они всё-таки от муниципалитета, я же окажусь виноват.

— У вас есть задолженность?

— Да вроде нет.

— Разбирательство с работодателем?

— Не было.

— Чужие деньги, документы, жена?

Мужчина покраснел.

— У меня нет чужой жены.

— Своей?

— И своей нет.

— Сомов, — сказал Морок.

Я опустил ручку.

— Клиент говорит о преследовании. Сначала установим, есть ли преследование. Личные подробности потом.

Боков с облегчением выпрямился. Я зачеркнул последнее слово, хотя его всё ещё было видно сквозь линию.

Морок подробно расспросил его о людях с бланками: одежда, обувь, портфель, манера звонить в дверь. Говорили ли с соседями. Оставались ли следы на лестнице. Всё то, о чём мне следовало спросить с самого начала.

Потом откинулся в кресле.

— Мы можем проверить встречу. Мой сотрудник будет рядом. Вы ничего не подписываете, никуда ни с кем не уходите. При малейшем давлении отказываетесь от разговора и подходите к нему.

— То есть вы мне верите?

— Я верю, что кто-то назначил вам встречу в одиннадцать вечера на мосту. Для муниципального учреждения неудобный приёмный час.

Боков рассмеялся. Один раз, коротко.

— Ну что, работаем?

На этот раз я сказал:

— Работаем.

Он посмотрел на меня уже без улыбки и кивнул.

* * *

После ухода клиента Морок пересчитал аванс и убрал его в нижний ящик.

— Возьмёшь на себя, — сказал он.

Я держал чашку за блюдце. Оно негромко стукнуло о стол.

— Сам?

— Надеюсь, ты не будешь брать с собой ещё одного помощника. Нам тогда негде будет сидеть.

Морок протянул мне папку. На обложке карандашом стояло «Боков С.». Сверху оставалось место для номера.

Внутри лежал снимок для карточки клиента: я успел сделать его, пока Боков доставал пропуск. Мужчина наклонился вперёд, и снимок вышел неудачным, но переснимать я постеснялся.

Я не сразу её взял.

— Что?

— Ничего. Просто… Вы не поедете?

— У меня другая встреча.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Ты умеешь разговаривать с людьми и пользоваться часами. Сегодня пригодится и то и другое. Установить, кто к нему придёт. Не задираться. Снять номера машины, если будет машина. Если не будет — лица. Человек должен вернуться домой.

— Понял.

— А не разгадать всю городскую администрацию за один вечер.

— Понял.

Я убрал извещение в папку. Рядом с фамилией клиента написал сегодняшнюю дату, своё имя и время встречи.

Имя получилось крупнее, чем требовалось.

Морок это заметил, но ничего не сказал.

В коридоре я задержался перед зеркалом. Волосы опять вились в разные стороны, воротник рубашки лёг под свитер криво. Я поправил его и вытер с виска чернильное пятно: привычка думать, держа ручку у головы, имела очевидные недостатки.

В этом городе люди редко приносили свои страхи в подходящих папках. Боков принёс. Осталось выяснить, кому он помешал своим порядком.

Сказать это клиенту я бы не смог. Звучало бы как обещание, а обещать пока было нечего.

Я вернулся за вторым карандашом.

* * *

В половине девятого я прошёл по мосту в обе стороны.

На ромкомном берегу закрывали цветочную лавку. Продавщица выносила ведро с водой; на двери уже висела табличка, обещавшая кому-то счастливую встречу. На нашей стороне у круглосуточных цветов горела одна белая лампа. Я раньше не обращал внимания, что две лавки смотрят почти друг на друга.

В киоске возле спуска продавали горячую еду. Из-под навеса пахло тестом, перцем и пережаренным луком. За стойкой спорили двое рабочих, кто кому должен сдачу. Я взял чай, чтобы не стоять без дела, и попросил продавца показать, где заканчивается шестой фонарь.

— Сам фонарь или его свет? — уточнил он.

Я решил, что с географией разберусь без помощи.

Шестой фонарь стоял у середины пешеходной части, ещё на неподвижном участке возле опоры. Под ним было сухо ровно настолько, чтобы не стоять в луже. За перилами начиналась полоса воды между опорами, дальше тянулись створки разводного пролёта. Движение пока не перекрывали.

Лестница на набережную находилась позади. Боковая калитка была заперта цепью. До ближайшего угла, за которым можно спрятаться, — около двадцати шагов.

Если человек пойдёт по настилу, я увижу. Если спустится к воде, тоже.

Я проверил карман с фотоаппаратом и сделал несколько снимков. В объективе фонарь то белел, то становился жёлтым, как остальные. Вероятно, дело было в старом стекле.

В двадцать два десять позвонил Боков.

— Я выйду пораньше, — сказал он. — Тут автобус не всегда.

— Я уже на месте. Подойдите ко мне, потом встанете под фонарём. Не спешите.

— А если они раньше?

— Я увижу.

Он помолчал.

— Ключи брать?

— Конечно.

— Просто написано: личные вещи. Я не знаю, какие.

— То, что обычно берёте, выходя из дома.

На том конце что-то звякнуло.

— Хорошо.

Я убрал телефон.

По набережной шёл пожилой человек с таксой. Собака добежала до ножки скамейки, встала к ней боком и отказалась двигаться дальше. Мужчина вытащил из кармана пакет и приготовился ждать.

— Вечер добрый, — сказал я.

— Ещё неизвестно.

Он взглянул на мой чай и добавил:

— В такую погоду лучше с крышечкой. Я в прошлый раз полсобаки облил.

Такса посмотрела на нас обоих без сочувствия.

— Часто здесь гуляете?

— Два раза в день. Пуля считает, мало.

Он чуть приподнял поводок. Собака осталась возле скамейки.

— Её зовут Пуля?

— Пока да. Не откликается, но я настаиваю.

Мужчина назвался Фёдором Кузьмичом. Я назвал имя и фамилию.

— С рыбой никак не связано? — спросил он.

— Что?

— Ничего. Померещилось.

Такса наконец разрешила продолжить прогулку. Они пошли к мосту: сперва собака, потом человек, потом длинная петля поводка.

Я посмотрел на часы.

Было двадцать два сорок.

* * *

Боков пришёл через пять минут.

Он был в том же плаще. Галстук лежал в кармане, и шея над расстёгнутым воротом казалась непривычно открытой. Папку мужчина принёс другую — старый портфель с двумя замками.

— Что взяли? — спросил я.

— Бумаги. Пару фотографий. Ключи, как вы сказали. И степлер. Не оставлять же.

Портфель чуть раскрылся. Между документами блеснула зубастая рыба.

— Всё нормально, — сказал я.

— Я могу не идти?

Вопрос застал меня врасплох. Я уже осмотрел место, проверил выходы, выбрал точку наблюдения. Мой план подразумевал, что клиент встанет под фонарём. И только сейчас клиент спросил, обязательно ли это.

— Можете, — ответил я после паузы. — Мы никому ничего не обещали.

Он обернулся к лестнице.

— Тогда они снова придут домой. Вчера спросили, зачем у меня ещё горит свет. Представляете? У меня же чайник был включён. Я не могу в темноте чай разливать.

— Пойдёмте вместе.

— Вы рядом будете?

— В нескольких шагах.

Я показал место у перил. Оттуда свет не слепил глаза и были видны обе дороги.

Боков выдохнул, будто решил задачу, которую ему долго не давали прочесть целиком.

— Ну что, работаем?

— Да.

Мы подошли к фонарю.

Фёдор Кузьмич уже стоял на другой стороне пешеходной дорожки. Пуля исследовала щель под ограждением и тянула туда морду. На мокром настиле слабо отражались её короткие лапы.

Никого с бланками не было.

Я проверил часы: двадцать два пятьдесят семь.

Боков поставил портфель между ног. Вытащил из кармана измятую бумажку, взглянул и вернул её обратно.

— Что там?

— Продукты. Я утром записал, что надо купить. Теперь думаю: идти после этого или завтра.

— Посмотрите, что будет по времени.

— Кефир. Хлеб. Вот ещё слово не разберу.

Он снова достал бумажку и протянул мне.

Я прочёл: «Чай».

Простой человек собирался в неизвестность и беспокоился, успеет ли купить чай. Я наконец по-настоящему разозлился на тех, кто заставил его сюда прийти.

— Успеете, — сказал я. — Лавка за углом работает до полуночи.

Он кивнул. Я сложил список и машинально сунул его в карман, чтобы не держать в руках сразу два листа.

Вдали хлопнула автомобильная дверь. По проезжей части медленно шла машина с шашечками. Сзади коротко просигналили.

Я посмотрел на подход к фонарю. На секунду мне показалось, что возле лестницы стоят двое: мужчина с плоским портфелем и женщина в прямом тёмном пальто. Потом мимо прошёл автобус, и лестница снова оказалась пустой.

— Семён, — позвал я, — видите кого-нибудь знакомого?

Он повернул голову.

Под воротником блеснула светлая полоска кожи.

— Ну что, работа…

Пуля резко залаяла.

Рядом со мной хлопнуло по доскам: из незастёгнутой папки вырвался лист. Я прижал его ботинком, повернулся на звук и тут же посмотрел обратно.

Портфель исчез.

И человек тоже.

Под фонарём остался мокрый прямоугольник настила, на котором только что стояли его туфли.

Я шагнул вперёд.

— Семён?

Никакого всплеска.

Никаких убегающих шагов.

На часах загорелось 23:00.

Со стороны круглосуточной цветочной лавки к свету выбежал мужчина с белыми цветами. Светлое пальто, тёмные волосы, мокрая рубашка у горла. Он едва не столкнулся со мной, отшатнулся и поднял руку, удерживая букет.

Я поймал его за рукав, удерживая от столкновения с перилами, и тут же отпустил. Одна лилия упала на настил.

Я выхватил фотоаппарат и нажал на спуск. В объектив попали прежде всего цветы и светлое плечо.

— Здесь человек был! — крикнул я.

Мужчина остановился. Посмотрел мне за спину, потом на цветок.

— Что?

— Человек с портфелем. Вы его видели?

Он оглянулся в ту сторону, откуда прибежал.

Телефон у него в кармане дрожал так громко, что я услышал даже под дождём.

— Я… там кто-то стоял. Я не…

Пуля полезла за лилией. Фёдор Кузьмич дёрнул поводок, мужчина с цветами отступил, и несколько секунд все мешали всем.

Я добрался до перил и посмотрел вниз.

Тёмная вода двигалась между опорами. На ступенях у спуска никого не было. Плывущего портфеля, рук, светлого лица — ничего.

За моей спиной торопливо сказали:

— Я сейчас приду. Не стой под дождём. Я уже на этой стороне.

Мужчина говорил в телефон. Пока я перевёл взгляд обратно, он уже уходил с моста.

Фонарь освещал его пальто до самого поворота.

Я мог побежать следом. Я мог остаться и искать Бокова.

Я остался.

* * *

Фёдор Кузьмич согласился подержать зонт над моей папкой. Пуля всё время пыталась сесть на упавшую лилию.

— Только не трогайте, — попросил я.

— Это вы ей или мне?

— Обоим.

Я сфотографировал цветок, настил, перила. Потом прошёл под мостом, посветил между опорами и позвонил Бокову.

Телефон ответил короткими гудками.

Не «вне зоны». Не голосом оператора. Просто коротко и без устали сообщал, что сейчас говорить со мной не собираются.

Я набрал ещё раз.

— Тот, в светлом, — сказал Фёдор Кузьмич, когда я вернулся. — Он к вашему подошёл?

— Вы видели, как подошёл?

Старик наморщил лоб.

— Я ж говорю, он тут бежал. С этими белыми. Красиво так, много.

— А тот, с портфелем?

— Был.

— И что произошло?

— Так вот и спрашиваю.

Я записал его имя и номер телефона. Он надиктовал номер по два раза, потому что Пуля каждый раз начинала лаять на середине.

Дождь стал сильнее. С той стороны реки налетел ветер и швырнул воду под зонт. В конторе при такой погоде полагалось сидеть напротив испуганного человека и выяснять подробности.

У меня испуганного человека больше не было.

Я стоял на его месте.

Морок ответил на третьем гудке.

— Да.

— Боков исчез.

— Ушёл?

— Нет.

— В воду?

— Я не видел падения. Ни всплеска, ни…

— Спокойно. Что ты видел?

Я рассказал. По порядку, как он учил. Фонарь, портфель, лист под ногами, собака. Мужчина с цветами. Пропавший телефонный абонент.

— Ты за бегущим не пошёл?

— Остался искать клиента.

На другом конце помолчали.

— Правильно. Теперь никого больше не теряй. Я вызову проверку воды. Сохрани, что осталось. И возьми показания у свидетеля, пока он не ушёл.

— Взял.

— Хорошо. Жди.

Связь прервалась.

Я присел и поднял лилию через чистый платок. На белом лепестке лежала серая пыль с настила. Стебель сломался у основания, пахло водой и чем-то резким, зелёным.

Фёдор Кузьмич протянул мне пакет.

— Новый, — предупредил он. — Чистый. На всякий случай два ношу.

Я поблагодарил.

Он отступил под фонарь, поправил Пуле ошейник и посмотрел туда, где стоял Боков.

— Вот ведь, — сказал старик. — Только человек был.

В этой фразе оказалось больше точности, чем во всех моих записях.

Я ещё раз взглянул на сегодняшнюю дату и собственное имя на папке.

Имя было крупным и очень уверенным.

Над мостом гудела вода. Проверять место собирались ещё долго, а у меня уже не осталось разумной причины стоять неподвижно. Я снова пошёл к лестнице.

Я получил человека на один вечер. Мне велели вернуть его домой. Теперь у меня были цветок, чужой пакет и первая папка, которую не хотелось подписывать.

У подножия фонаря блестело маленькое мокрое пятно.

Боков не успел даже забрать свой список продуктов из моего кармана.

Глава 3. Лилии не в тот час

Марина. Сиреневый квартал. Пятница.

На следующее утро Алиса принесла мне булочки и доказательства того, что я напрасно переживала.

— Он всё-таки пришёл, — сказала она с порога.

Я открыла пошире. Подруга шагнула внутрь, едва не ударилась лбом о край двери и рассмеялась, будто это тоже относилось к хорошим новостям.

— Заходи. Чай?

— Можно кофе? Нет, лучше чай. Я теперь боюсь кофе. Хотя он говорит, что надо продолжать тренироваться.

Она поставила пакет на стол, села и вытащила из кармана телефон.

— Посмотри.

На фотографии были лилии. Белые, мокрые, в слишком маленькой вазе. Рядом сохли мужские перчатки.

— Он оставил перчатки?

— Я сама забрала. В них можно было рыбу перевозить.

— Вы встретились у тебя?

— Да. Представляешь, как глупо получилось.

Она открыла переписку и положила телефон между нами.

Я читала внимательно. Вчера весь этот час существовал для меня отдельно от остального города: две тарелки, подоконник, Алиса без туфель. А на экране он был разбит на короткие сообщения, отправленные человеку, который сидел за другим столом.

В двадцать два девятнадцать Артём написал, что всё в порядке и он подождёт.

В двадцать два тридцать четыре, уже после звонка, Алиса ответила: «Если опять ничего, может, лучше у дома?»

Он предложил подойти с зонтом, если машина так и не найдётся. Уточнил, будет ли она тогда ждать у своего дома.

«Тогда давай там», — написала Алиса.

В двадцать два сорок восемь нашлось: «Машина пришла! Еду!»

Чуть ниже, уже в двадцать два пятьдесят шесть: «Я всё-таки в ресторан, водитель туда поставил. Давай там. Которое у реки».

Между двумя «там» легко помещался весь вечер.

— Он последнее не прочитал? — спросила я.

— Уже бежал с цветами. Телефон в пальто, руки заняты. Увидел только, когда я позвонила. Ещё на мосту какая-то суета была.

Я посмотрела на фотографию.

Один стебель в букете торчал сломанным концом вверх.

— А это?

— Собака. Нет, не собака сломала, там мужчина, и ещё один мужчина, и поводок. Я не всё поняла. Он сам замёрз так, что зубы стучали. Пришёл ко мне, а я обратно из ресторана еду. Мы в конце концов одновременно к подъезду подошли.

Она обхватила чашку ладонями.

— Я сперва очень злилась. На него, на машину, на себя. Думаю, зачем я сразу не поехала домой? А потом он стоит весь мокрый и говорит: «По крайней мере, цветы я помыл».

Алиса засмеялась.

Я тоже попыталась.

— И ты сказала?

— Что перчатки, по-моему, тоже постираны.

— Справедливо.

— Он согласился.

Я включила чайник, хотя вода ещё была горячая. Хотелось чем-нибудь занять руки.

Отмена такси осталась во вчерашнем вечере. Передо мной сидела счастливая подруга, которой всё равно удалось встретиться с правильным человеком. Можно было сказать себе, что ничего страшного не произошло.

Я именно это и сказала.

Правда, вслух получилось:

— Ты ему потом написала, что нормально добралась?

— Мы же вместе у подъезда стояли, Марин.

— А. Да.

Алиса достала булочку и разломила пополам. Одну часть подвинула мне.

— Ты вчера будто испугалась. Я тебя перепугала?

— Просто сильно пошёл дождь.

Она кивнула с таким пониманием, что мне стало хуже.

Я могла сейчас признаться. Подруга уже не стояла одна у ресторана, Артём оказался хорошим, всё разрешилось. Подходящего момента могло больше не быть.

— Алиса, насчёт машины…

— Я уже оценила водителя, — сказала она. — Поставила четыре. Не хотела, чтобы его уволили, но он всю дорогу слушал программу про ремонт коробки передач. На первом свидании мне и без коробки передач хватило впечатлений.

Я отломила кусочек булочки.

— Понимаю.

Она вдруг увидела коробку с тортом на верхней полке.

— О, ты сладкое покупала. Я бы булочки не тащила.

— Просто захотелось.

— Можно потом доесть? У меня сегодня репетиция свидания, надо как-то решить с волосами.

— Репетиция?

— Ну, условно. Второй раз встречаемся нормально. Без кофе и такси. Он зайдёт за своим зонтом. Вчера так и забыл у меня, пока мы перчатки сушили.

Я посмотрела на перчатки на фотографии.

Предметы у Алисы работали гораздо лучше адресов.

* * *

После её ухода я сходила за хлебом.

Не потому, что хлеб был нужен немедленно. Кухня стала слишком тесной, а смотреть на коробку с тортом я больше не могла.

У магазина напротив сидел Гена Ржавый.

Мы здоровались уже давно. Гена жил в доме через двор: один подъезд относился к нашему кварталу, а второй выходил окнами в Хохотово. Я никогда не понимала, по какому признаку их разделили. Штукатурка на обеих половинах отслаивалась одинаково.

На коленях у него лежал пакет с хлебом. Мужчина пытался развязать узел, не снимая перчаток без пальцев.

— Доброе утро, — сказала я.

— Ещё проверим.

Кто-то рассмеялся.

Я оглянулась. У магазина были только мы, пустая тележка и женщина, запиравшая велосипед. Женщина выглядела занятой.

Гена потянул за узел зубами.

— Зато зубы при деле.

Смех стал громче.

— Помочь? — предложила я.

Он посмотрел на мои руки и отдал пакет.

Когда я присела рядом, смех стих. Узел оказался простым, просто сильно затянутым.

— Вы всё время сидите с этой стороны, — заметила я.

— С той солнце в глаза.

— А сегодня?

Гена поднял голову. Небо было серое, солнца не было.

— Готовлюсь заранее.

Смех раздался снова, теперь совсем близко, как будто несколько человек сидели у нас за спиной на той же скамейке.

Я обернулась ещё раз.

Гена не обернулся.

— Вас это не раздражает?

Он взял развязанный пакет, аккуратно достал булку и только потом спросил:

— Что?

Я пожала плечами.

— Ничего. Может, показалось.

Не хотелось становиться человеком, который приходит с утра и объясняет соседу, что вокруг него смеются неизвестные люди.

— У вас дома вода есть? — спросил Гена.

— Да.

— У нас закрыли. На объявлении написано: с десяти до конца.

Он сделал паузу.

Смех отозвался охотно и сразу.

Гена откусил хлеб, глядя перед собой. В эту секунду он совсем не был похож на человека, довольного собственной шуткой.

— Могу принести бутылку, — сказала я.

— Да есть у меня. Спасибо. Я просто спрашиваю.

Он поднялся, убрал пакет под мышку и придержал мне дверь магазина.

— Вечером опять дождь обещают.

— Кто?

— Вон на окне наклеено.

На витрине действительно висел голубой зонтик. Под ним предлагали скидку на непромокаемые чехлы.

Я постояла перед стеклом дольше, чем требовалось для чтения.

* * *

Артём пришёл за зонтом в половине пятого. Не ко мне: он заехал к Алисе, а потом они забрали меня, чтобы поесть в маленькой закусочной возле трамвайного кольца.

Я пыталась отказаться. Подруга сказала, что ей очень нужно моё мнение, и я пошла.

Артём придержал дверь. На его светлом пальто виднелась тёмная полоска у нижней пуговицы — будто ткань по краю ещё не просохла. Я невольно вспомнила вчерашний дождь.

— Надеюсь, сегодня без происшествий, — сказала я.

— Я тоже. Рубашка как раз высохла.

Он улыбнулся мне, потом Алисе. Вблизи оказался обычнее, чем в кафе: у глаза была тонкая складка, на подбородке маленький порез. Порезы у идеальных мужчин почему-то успокаивали.

Мы заказали еду. Разговор первые десять минут держался на Алисе, потом она пошла помыть руки, и мы остались вдвоём.

Артём убрал телефон со стола.

— Вы всегда так делаете? — спросила я.

— Как?

— Сразу убираете телефон.

— Мешает разговаривать. Если что-то срочное, услышу.

Я посмотрела на светлое пальто на соседнем стуле.

— Вчера не услышали.

Он виновато кивнул.

— Вчера я переоценил способность одновременно нести цветы, искать адрес и выглядеть человеком, который знает, что делает. Надо было просто остановиться и позвонить.

Такой ответ был значительно лучше объяснения, почему во всём виноват город. Я немного расслабилась.

— Вы где работаете?

— Чертежи, проекты. Сейчас один небольшой дом.

— Архитектор?

— Да.

— Давно?

Он открыл рот, закрыл и посмотрел на улицу.

Мимо прошёл трамвай.

— В этом городе лучше не считать годы, — произнёс Артём. — Только долги.

Я перестала размешивать чай.

Он повернулся ко мне. Выражение лица изменилось раньше, чем он успел улыбнуться.

— Простите. Не знаю, откуда это. Странно прозвучало.

— Немного.

— С утра в голове какая-то чепуха. Словно плохо выспался.

— Вы плохо выспались?

— Кажется, да.

Он потёр шею. На запястье был белый след от часов, которых сейчас не оказалось.

Вернулась Алиса. Артём встал, придержал ей стул и сразу стал тем человеком, который вчера спасал чашку. Подруга рассказала историю про женщину в очереди, он спросил что-то смешное, и я снова оказалась рядом с ними, слушая.

Я попробовала вспомнить точную фразу.

Годы. Долги. Город.

Для человека, проектирующего небольшой дом, набор был слишком тяжёлым.

Я дождалась, пока Алиса начнёт спорить с официантом о том, сколько имбиря считается небольшим количеством, и спросила:

— А в каком районе вы выросли?

Артём перевёл на меня взгляд.

— Я…

Со стола соскользнула ложка. Он наклонился за ней, официант заменил чашку Алисы, а потом разговор ушёл в сторону. Через несколько минут я спросила снова.

— Здесь, — ответил Артём.

— В нашем квартале?

— Думаю, да.

— Не помните?

Он посмотрел на Алису, будто надеялся, что она уточнит вопрос.

Мне стало неловко.

— Простите. Я вас допрашиваю.

— Всё в порядке. Обычно с первым свиданием знакомятся без собеседования. Тут у нас, видимо, второй этап.

Алиса засмеялась. Я тоже.

Артём улыбнулся, но руку с ложки не убрал.

* * *

После обеда он ушёл по делам, а мы вернулись к Алисе.

Она достала с балкона старый зонт — тот самый, с которым утром собиралась расстаться в пользу нового, — и сказала, что этот пока ещё пригодится.

— Он тебе понравился? — спросила она.

— Вежливый.

— Это ответ заведующей общежитием. Ты можешь нормально?

Я села на край дивана.

— Понравился. Просто я его ещё не знаю.

— Я тоже. Для этого и встречаемся.

Мне следовало остановиться. Вместо этого я попросила показать его страницу.

Алиса протянула телефон без всякого подозрения.

На странице было шесть фотографий. Артём с кофе. Артём возле строительного забора. Крупно рука с карандашом над чертежом. Подоконник, на котором лежала книга. Ещё один кофе. Сам Артём, смотрящий чуть мимо камеры.

Самая ранняя фотография появилась в прошлую среду.

— Он недавно зарегистрировался?

— Может быть.

— А раньше?

— Марин, у меня тётя вообще нигде не зарегистрирована. Она от этого не таинственная преступница.

— Я не говорю, что он преступник.

— А о чём ты говоришь?

Я отдала телефон.

О себе я знала ровно столько, сколько помещалось в кухню. Я не могла вспомнить вторник и среду. И теперь придиралась к человеку, который хотя бы мог показать чертёж.

— Наверное, просто волнуюсь, — ответила я.

Алиса села рядом.

— Знаю. Но пока со мной всё хорошо.

Она взяла мою руку и пожала.

Я почувствовала себя человеком, который собирался спасти чужую жизнь от собственной тревоги.

— Я попробую не мешать.

— Вот это хороший план.

Подруга не сказала «ты мешаешь». Но я всё равно убрала руку и стала собираться домой.

В прихожей у неё лежал букет. Лилии ещё не поставили в большую вазу: один высокий стакан всё время переворачивался. Я попросила чистую банку и помогла обрезать стебли.

На одном остался свежий излом.

— Тот цветок так и не нашли?

— Какой?

— Который упал на мосту.

— Нет. Артём говорит, что там нельзя было задерживаться. Кого-то искали.

Я остановилась с ножницами в руке.

— Кого?

— Он не понял. Сначала думал, что собаку, но собака была на месте. Может, человек ушёл, а они друг друга потеряли. Позвонил мне уже от лестницы, я как раз разворачивалась из ресторана.

— А мужчина, который искал?

— Не знаю. С папкой. Артём сказал, очень расстроенный.

Я отложила ножницы.

Лилия на чужом мосту. Человек с папкой. Час, который я себе устроила.

Между ними пока не было доказуемой связи. Просто я слишком хорошо помнила, как вчера вспыхнул один фонарь.

— Марин?

— Всё. Теперь букет не упадёт.

* * *

Домой я пошла длинной дорогой.

По пути попался магазин недорогих подарков. В витрине стоял маленький бинокль, у которого две половинки складывались в сердце. Настоящий чёрный бинокль рядом стоил в четыре раза дороже.

Я вошла, попросила показать оба и получила ясное объяснение: чёрного не было в продаже, он служил образцом. В розовый можно было смотреть, а можно было подарить человеку, который любит театр.

В театр я не собиралась.

Дома проверила покупку из окна. В бинокль хорошо было видно Генину скамейку, табличку на магазине и голубой зонтик. Всё остальное расплывалось по краям. Сердечко отражалось в стекле у меня перед лицом, и вид был такой, будто я подглядываю за собственной влюблённостью.

Я сняла с него упаковочную ленточку и убрала в карман пальто.

Потом достала блокнот.

Написала: «Сначала факт, потом вывод».

Ниже: «Артём — не факт. Артём человек».

Это помогло ненадолго.

К девяти вечера я вымыла всю посуду, убрала торт в холодильник, дважды проверила календарь и подошла к третьей двери. Она не открылась.

Я могла лечь спать. Могла позвонить Алисе и спросить, как прошло свидание, чтобы снова получить готовый рассказ о чужом дне.

Вместо этого надела пальто.

Я собиралась просто пройтись до остановки. Ещё раз посмотреть на реку при свете фонарей. Проверить, действительно ли дождь за мостом был таким же, как наш.

Артёма я увидела возле трамвая.

Он стоял под навесом один, в том же светлом пальто. Без цветов. В руках держал сложенную газету. На передней странице даже издалека было видно одно большое слово, но в складку попала середина, и прочесть целиком не получилось.

Я спряталась за киоском, сама не заметив, когда свернула.

Артём проверил номер вагона, посмотрел на маршрутную табличку и сел.

Трамвай шёл на Мокрый берег.

У меня в кармане лежали телефон, ключи и нелепое розовое сердечко. Ни один из этих предметов не объяснял, зачем мне туда.

Я подождала, пока двери начнут закрываться, и шагнула в последнюю.

Кондуктор подняла голову.

— За мост?

— Да.

— Тогда держитесь. Там поворот.

Я взялась за поручень.

Вагон тронулся. Артём сидел далеко впереди и смотрел в окно; я видела только край светлого воротника и его руку на свёрнутой газете.

Телефон пискнул.

«Алиса: ты дома?»

Я посмотрела на свои пальцы, сжатые на холодном металле.

«Нет», — написала я.

И впервые за долгое время это был ответ, после которого мне ещё предстояло что-то сделать.

Глава 4. Подозреваемый

Лев. Мокрый берег. Пятница.

К семи утра мост проверили трижды.

Служба, которую вызвал Морок, осмотрела опоры, прошла вдоль берега и велела позвонить, если появится что-то ещё. В воде ничего не нашли. По крайней мере, ничего, связанного с Боковым.

Я вернулся в контору с папкой под пальто и пакетом в руке.

Морок уже сидел за столом.

— Кофе, — сказал он.

Я остановился у двери.

— Мне. И себе тоже. Ты мокрый.

Я сходил к чайнику, поставил две чашки и повесил пальто на спинку стула. Бумаги приходилось сушить по одной. Плотно сложенное извещение Бокова сохранилось лучше остальных листов.

Морок ещё раз выслушал рассказ.

Теперь в нём оказалось меньше подробностей: я успел несколько раз отделить то, что видел, от того, что мне представлялось ночью.

— Значит, к воде он не подходил, — сказал Морок.

— Пока я смотрел — нет.

— Потом ты посмотрел на собаку.

— На упавший лист. Собака залаяла.

— И появился бегущий.

— Почти сразу.

Он потёр переносицу.

— Мне не нравится «почти».

Мне оно тоже не нравилось. В нём помещалось всё, чего я не успел сделать.

— Бегущий был без портфеля, — сказал я.

— Мог передать кому-то.

— На подходе никого. Лестницу я видел. В калитке цепь.

— Не мог?

Я посмотрел на пакет с лилией.

— Не знаю.

Морок кивнул.

— Вот это пока правильно. Сначала выясним, кто он. Потом решим, что мог.

Он взял чистый лист и положил рядом с моими записями.

— Человека надо было довести до дома, Сомов.

— Я помню.

— Помни. Но от воспоминаний он не найдётся. Свидетель придёт?

— Обещал. С собакой.

— Собака показания давать не будет.

— Я попробую ей объяснить.

Морок впервые за утро посмотрел прямо на меня. Потом подвинул сахарницу ближе к моей чашке.

* * *

Фёдор Кузьмич пришёл в восемь двадцать. Пуля несла в зубах пустую перчатку.

— Это не с места происшествия, — сразу сказал старик. — Своя.

Я принёс ему стул, Пуле — миску с водой. Морок ненадолго вышел, поручив мне уточнить внешность человека с цветами.

Первые пятнадцать минут Фёдор рассказывал о пальто.

Оно было светлое, длинное, хорошее, но не для такой погоды. Карманы имелись. Воротник стоял, потом лежал. Пуговицы присутствовали, хотя ручаться за количество свидетель не брался.

Лицо он описал короче:

— Молодой. Без бороды. Или с маленькой.

— Волосы?

— Тёмные, мокрые. Не лысый.

Я нарисовал овал.

Фёдор наклонился к листу.

— Уши вы большие сделали.

Я уменьшил уши.

— А теперь похож на соседа, — сказал он.

— На бегущего?

— На моего.

Пуля бросила перчатку и положила голову мне на ботинок.

Я попытался вспомнить мужчину сам. Глаза, щёки, светлый ворот у горла. Букет мешал видеть, рука закрывала часть лица, фонарь бил прямо в объектив. На фотографиях он получился светлым пятном с тёмным краем.

— Он что-нибудь говорил вам? — спросил я.

— Мне? Не помню. Он по телефону говорил. А я собаку от цветка оттаскивал.

Я показал ему на экране фотографию нашего клиента. Фёдор всмотрелся, но ничего не уточнил.

— А с Боковым?

Фёдор повернул голову.

— Я же видел их рядом.

— Рядом во времени или рядом на мосту?

Он задумался. Я понял, что задал вопрос слишком умно для человека, который спал ночью, но не слишком умно для себя, который не спал.

— Вот сюда посмотрите. — Я развернул план настила. — Вы где стояли?

Старик поставил палец точно на место моей кружки с кофе.

Пришлось убрать кружку и начать заново.

К концу разговора у меня было приблизительное лицо, расположение свидетеля и всё та же уверенная фраза: «В светлом, с белыми вениками».

Фёдор продиктовал её сам и попросил заменить «веник» на «букет»: вдруг мужчина обидится.

Я заменил.

— Только вы ж не думайте, — сказал он у двери. — Я там каждый вечер. Ежели надо, ещё покажу.

— Надо будет. Спасибо.

Он позвал Пулю. Собака не встала, пока я не убрал ногу.

* * *

В цветочную лавку я пришёл в девять десять.

Лампа над входом горела со вчерашнего вечера. У двери пахло мокрым картоном и зеленью. Внутри женщина в синем фартуке отрезала нижние листья у длинных стеблей.

— Доброе утро, — сказал я.

— Кому как. Что нужно?

Я показал фотографию лилии.

— Ночью у вас покупали такие.

— Покупали.

— Человек в светлом пальто?

Женщина опустила ножницы.

— Если опять про карточку, она на месте. Он потом нашёл у себя в кармане. Я же сказала: смотрите в другом.

— Ничего не потерялось. Мне надо с ним поговорить.

— А вы кто?

Я представился и назвал Морока. Этого обычно хватало, чтобы человек либо начал помогать, либо перестал разговаривать совсем.

Женщина решила помочь.

— Артём. Белов. Он номер оставил, чтобы в следующий раз заранее заказывать. Я ещё сказала: заранее и надо, особенно если через мост. Белые быстро разбирают.

Она открыла тетрадь под кассой. Вчерашняя запись стояла над суммой и коротким «лилии, бел., самовывоз».

— В котором часу?

— Без пятнадцати одиннадцать. Нет, — поправилась женщина, — без пятнадцати одиннадцать я записала заказ в разговоре. Пришёл позже, ближе к одиннадцати. Я уже думала, передумал.

Значит, сначала позвонил. Потом пришёл. Запись ещё не была временем появления.

Я повторил это вслух, и продавщица кивнула.

— Вы Лидией запишите, — сказала она. — А то ваш Морок в прошлый раз назвал меня Людмилой. Я ему полчаса рассказывала, он всё «Людмила» и «Людмила».

Я записал имя.

— Цветы забирал один?

— Один. Всё торопился. Попросил упаковку поплотнее, у него телефон звонил. Потом распаковал обратно, говорит, так некрасиво. Я ещё удивилась: под таким дождём уже всё равно, красиво или нет.

— Куда пошёл?

— К мосту. Он сказал, что теперь к дому девушки. Тут у них место встречи менялось.

— Видели кого-нибудь ещё?

— За ночь?

— Рядом с ним.

Лидия покачала головой.

Я показал ей снимок Бокова, который сделал днём для карточки клиента. Он сам неудачно наклонился к столу, и лицо было видно только наполовину.

— Этого человека?

— Нет. С букетом такого не было.

Она вернулась к листьям.

— Вы хоть скажите, он девушку нашёл?

— Пока не знаю.

— Тогда выясните сначала. Всё остальное потом.

Я убрал блокнот с переписанным номером под пальто. Лидия смотрела на снимок в моей руке, и я ещё раз сказал, что речь идёт о пропавшем человеке. Она перестала улыбаться и попросила сообщить, если понадобится что-то вспомнить.

* * *

У Артёма оказался открытый рабочий профиль.

Номер, оставленный в лавке, стоял рядом с предложением консультации по небольшим проектам. Имя совпадало. На фотографии мужчина держал свёрнутые листы возле забора.

Я показал снимок Мороку.

— Похож?

— Вчера был мокрый, — ответил я. — Но да.

— Адрес есть?

— Мастерская. На нашей стороне, в Проточном переулке.

— Наблюдай. Если придёт — не хватай за воротник.

Я посмотрел на него.

— Я не собирался.

— Знаю. Напоминаю себе.

Морок вернул телефон.

По дороге я попытался представить человека, который ночью оказался рядом с исчезнувшим клиентом, а утром спокойно приглашает заказывать у него проекты. Таких вариантов было несколько. Самый неприятный заключался в том, что он никуда не исчезал и не имел к Бокову никакого отношения.

Тогда мне придётся начинать сначала.

Пока я шёл, дождь ослаб. Часы на остановке показывали десять сорок. Над Мокрым берегом всё ещё стояла ночь — это не мешало пекарне продавать утренние булки, а дворнику ругаться, что его опять подняли до рассвета. Рассвета здесь можно было ждать достаточно долго, чтобы не торопиться с уборкой.

Я взял булку и пошёл в Проточный.

Дверь мастерской оказалась закрыта. Наверху открыли окно.

Артём Белов выглянул на улицу в незастёгнутой рубашке.

— Простите! — позвал он кого-то внизу. — Это Проточный переулок?

Дворник поднял голову.

— А что, уже не похож?

— Здесь вчера… Тут всегда этот дом стоял?

Я замер под навесом.

— Пока я работаю, стоял, — ответил дворник.

Артём посмотрел за спину, в комнату.

На подоконнике лежала газета. Он взял её, развернул и надолго остановился.

Сверху я смог прочесть только заголовок: «ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ».

Угол листа закрыл лицо.

— А как попасть в Сиреневый квартал? — спросил Белов тише.

— Через мост. Как все.

— Я думал, я… Ладно. Спасибо.

Окно закрылось.

Он смотрел на знакомую улицу так, будто обнаружил её за своей спиной впервые. Испуганные люди часто ошибаются дверью. Хуже, когда дверью ошибается дом.

Я запомнил номер подъезда. Мастерская занимала нижний этаж; жилые окна шли выше. Совпадение не объясняло, почему человек спрашивает дорогу от собственной рабочей двери.

Я дождался, пока он выйдет.

* * *

Первые полчаса Белов ходил без заметной цели.

Сверился с указателем, вернулся к киоску, снова развернул газету. Купил кофе и забыл взять сдачу. Через несколько шагов вспомнил, вернулся, извинился.

Я держался через дорогу. Светлое пальто помогало его не потерять.

На рукаве у мужчины блестели крошечные розовые точки. В нашем свете они выглядели неуместно. Я сперва решил, что это капли на ткани, но точки не двигались и не стекали.

У моста Артём замедлил шаг. Посмотрел на шестой фонарь.

Я приготовился идти к нему, если он спустится к воде.

Он прошёл мимо.

На другом берегу зазвонил телефон. Я не слышал слов, но увидел, как у человека изменились плечи: опустились, освободились. Он засмеялся.

А через несколько шагов перестал оборачиваться.

Мне пришлось остановиться у границы дождя и поправить воротник. На той стороне вода уже высохла на плитке. Вывеска кафе была светлее, чем обещало небо; кто-то поставил под неё цветы прямо в ведре.

Белов задержался у магазина, потом зашёл ещё куда-то, и до второй половины дня я только отмечал его маршрут. Он не пытался уйти от слежки. Казалось, проверял, всё ли стоит на привычных местах.

Без нескольких минут пять я увидел его у закусочной с женщиной в розовом платье. Они шли рядом, разговаривая. С ними была вторая женщина: пальто, собранные волосы, шарф с розовым краем. Она сперва посмотрела на мужчину, потом на первую женщину и только после этого улыбнулась.

Они вошли в закусочную.

Я не пошёл следом. В маленьком зале с тремя столиками наблюдатель, заказавший один чай на два часа, становится достопримечательностью. Выбрал место через улицу, где отражение окна показывало дверь.

Внутри разговаривали. В какой-то момент первая женщина отошла, вторая наклонилась к Белову и что-то спросила. Он перестал улыбаться.

Я достал блокнот.

Через минуту она подняла ладони, как люди поднимают их, случайно задев больное место.

Я записал и это.

На светлом рукаве снова сверкнули розовые точки. Теперь я понял, откуда они могли взяться: у женщины в платье блестели запястья. След от обыкновенного объятия выглядел у нас подозрительнее, чем любая чёрная клякса.

В половине шестого Белов вышел один.

Он остановился у витрины. Проверил отражение за плечом.

Я успел отвернуться к газете, лежавшей на соседней стойке. На ней тоже стояло «ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ».

Внизу был маленький снимок светлого пальто.

Я поднял газету и прочёл заметку. Ни имени, ни номера дела, только приблизительное описание мужчины, которого будто бы разыскивали в связи с исчезновением на мосту.

Морок ещё никому не передавал фотографию. Я это знал: утром снимок был только у нас.

— Берёте? — спросил продавец.

— Кто вам привёз выпуск?

— Утром привезли. Как обычно.

— А редакция где?

Он показал на нижнюю строку.

Адрес расплылся от дождя.

Я купил экземпляр.

Белов тем временем исчез за углом. На этот раз мне хватило ума не считать, что он растворился: я просто слишком долго читал.

* * *

Вечером он вернулся на нашу сторону трамваем.

После закусочной я потерял его. Заехал в контору, передал Мороку записанный маршрут, а поздним вечером снова нашёл возле остановки в Сиреневом квартале. Он стоял с газетой, и я узнал прежде всего аккуратно сложенный лист. Пальто было застёгнуто до горла.

Я сел в середине вагона. Белов устроился впереди.

Когда двери начали закрываться, в заднюю вскочила женщина.

Та самая, из закусочной. Собранные волосы, розовый шарф.

Она прижалась к стеклу у входа, достала телефон, быстро что-то напечатала. Потом посмотрела на Белова.

Один раз — прямо.

Второй — через отражение.

Я убрал свою газету.

Значит, следил не только я.

На Мокром берегу Белов вышел первым. Женщина подождала, пока между ними окажутся трое пассажиров, и пошла за ним. У неё получалось плохо: один пассажир остановился закурить, двое свернули, и расстояние пришлось срочно увеличивать.

Я перешёл дорогу.

Из-под её пальто выглянула маленькая розовая вещь. Она поправила её, прижала к животу и снова убрала в карман.

Белов замедлился у вывески часовщика.

Женщина тоже.

Я оказался между двумя неудобными возможностями: продолжать вести его и позволить ей заметить меня или сначала понять, зачем она здесь.

Она подняла воротник.

Капли попадали на ткань, но цвет не исчезал.

В отражении витрины были чёрные двери, серая улица, мой тёмный рукав — и пятно розового шарфа, которое слишком хорошо знало, куда я смотрю.

Я отошёл в подворотню, откуда было видно следующий поворот.

Человек с цветами привёл за собой женщину. В хорошем деле это могло оказаться случайностью. Мне стоило раньше выяснить, бывают ли у меня хорошие дела.

Через несколько секунд за стеной раздались быстрые шаги.

Глава 5. Бинокль в форме сердечка

Марина. Мокрый берег. Пятница, поздний вечер.



Кондуктор не предупреждала, что вместе с поворотом закончится цвет.

Сначала я заметила это по рекламе над дверью. Девушка с бутылкой лимонада ещё держала жёлтый фрукт, а через секунду держала уже серый. Потом потускнели поручни, узор на сиденьях и шарф пассажирки напротив.

Мой шарф остался розовым.

Я подняла руку. Кожа выглядела как обычно. Даже крошечное пятно от маркера на большом пальце сохранило синий цвет.

Пассажирка посмотрела на меня поверх книги.

Я опустила руку.

Артём сидел впереди, весь светло-серый, словно его заранее подобрали к салону. В окне двигались чёрные дома и белые полоски дождя.

Я достала телефон. На экране всё было нормально. Открыла камеру, навела на поручень, потом на свою ладонь. Разница никуда не делась.

Можно было просто выйти на следующей остановке и поехать обратно. Я даже посмотрела, где кнопка.

Артём поднялся.

Я подождала несколько секунд и тоже пошла к двери.

На улице дождь оказался холоднее. Он попадал под воротник с совершенно деловой настойчивостью: не собирался портить мне причёску ради встречи с мужчиной, просто находил место, в которое можно залиться.

Я поправила шарф.

Трамвай уехал. Вслед за ним потянулся высокий звук, подозрительно похожий на саксофон.

Через дорогу кто-то закуривал под навесом. Чуть дальше горел киоск, за его стеклом сидела женщина и вязала. Я присмотрелась к лицу: серое, но живое. Она считала петли губами и злилась, когда ошибалась.

Значит, я не смотрела старое кино.

Тогда оставалось выяснить, почему я внутри него.

Я отошла к стене и открыла блокнот.

«На Мокром берегу нет цвета».

Подумала и исправила:

«Я не вижу здесь цвета, кроме своего».

Так было честнее.

Пока я писала, Артём свернул за угол.

Пришлось убрать блокнот и торопиться.

* * *

Самое трудное в слежке — не смотреть на того, за кем следишь.

Это я поняла через пять минут.

Артём останавливался у каждой третьей витрины. Я останавливалась тоже, но тут же выяснялось, что в витрине лежат мужские набойки, шестерёнки или воротники для неизвестной формы. Делать заинтересованное лицо становилось всё сложнее.

Возле часовщика я задержалась особенно надолго. На стене внутри висело столько часов, что хотя бы одни должны были показывать правильное время. Я не нашла двух одинаковых.

— Вам починить? — спросил из двери человек с лупой над глазом.

— Нет, я просто…

— Тогда не стойте под водостоком.

Я шагнула в сторону. На плечо тут же вылилось то, что секунду назад копилось в железной трубе.

Часовщик посмотрел на трубу, потом на меня.

— С другой стороны, — уточнил он.

Я отошла с другой стороны.

У Артёма за спиной маячил человек в тёмном пальто. Двигался он так спокойно, что сперва я приняла его за обычного прохожего. Он не оглядывался и не притворялся, будто умеет выбирать часовые механизмы.

Потом я заметила: стоило Артёму остановиться, человек тоже менял темп.

Я спряталась за столб.

Столб оказался тоньше меня.

Человек в пальто перевёл взгляд в мою сторону. Я быстро достала телефон и сделала вид, что очень занята.

На экране всё ещё было сообщение Алисы: «Ты дома?»

Под ним — моё «Нет».

Она прислала вопросительный знак.

Я написала: «Гуляю».

«С кем?»

Я посмотрела на спину Артёма, потом на спину неизвестного мужчины.

«Пока непонятно».

Сразу стёрла и заменила на «Одна».

Алиса прислала сердечко и велела не мёрзнуть.

Я убрала телефон.

Дело переставало быть прогулкой. Здесь находился ещё один человек, которому зачем-то понадобился Артём. Я не знала, что ему нужно, и не была уверена, что хочу это выяснять, стоя у слишком тонкого столба.

Можно было позвонить Артёму. Только его номера у меня не было.

Можно было позвонить Алисе и заставить её позвонить ему. Но тогда придётся объяснять, почему я оказалась в трамвае, хотя обещала попробовать не мешать.

Я снова услышала её: «Пока со мной всё хорошо».

И осталась у столба ещё на несколько секунд.

* * *

У моего бинокля имелось одно полезное свойство: он помещался в ладони.

Остальные полезные свойства я пока проверяла.

В окулярах Артём приблизился, но по краям лица возникли розовые тени. Я попробовала свести две картинки в одну. В этот момент мужчина с пальто зашёл в булочную, и мне пришлось опустить бинокль, чтобы не потерять сразу двоих.

По другую сторону улицы стояла собака.

Обычная, длинноногая, с мокрыми ушами. Она смотрела на дверь мясной лавки и тихо лаяла.

Каждый её лай заканчивался низкой протяжной нотой.

Я закрыла глаза.

Открыла.

Собака продолжала делать то же самое.

Из лавки вышел хозяин с бумагой в руке, сказал: «Домой», — и дал ей маленький кусочек. Она перестала лаять мгновенно.

— У вас… — начала я.

Хозяин посмотрел на меня.

Я посмотрела на собаку.

— Нет, ничего. Хорошая.

— Знает.

Они пошли вдоль домов.

Под ногой у меня светился окурок. Вода уже прикрыла его наполовину, но светлый кончик всё ещё тлел. Я наступила на него подошвой, подержала и убрала ногу.

Он светился снова.

Я не стала проверять второй раз. В районе, где собаки играли на духовых, спорить с окурком было непродуктивно.

Бинокль намок. Пришлось вытереть его краем шарфа.

Когда я подняла голову, Артёма не было.

Я двинулась вперёд слишком быстро и почти сразу остановилась.

За поворотом стоял человек в пальто.

Он смотрел вдоль переулка. Из булочной принёс бумажный стакан, но не пил. Свободной рукой держал что-то плоское, вроде маленького блокнота.

Я прижалась к стене.

Он меня не заметил. Или сделал вид.

Я вернулась к витрине часовщика и попробовала увидеть отражение улицы.

В стекле отражалась только моя розовая полоса. Она была такой яркой, что я наконец поняла, насколько хорошо меня видно.

Я запахнула пальто поверх шарфа.

Из кармана вывалился бинокль.

Стукнул о носок ботинка и лёг на мокрую плитку.

Человек в пальто повернул голову.

Я нагнулась, подхватила сердечко и быстро пошла к ближайшему тёмному проходу.

* * *

Подворотня оказалась неглубокой. Две двери, окно над головой и ниша, в которую можно было встать, не занимая всю дорогу. Отсюда просматривался перекрёсток, куда мог уйти Артём.

Я шагнула в нишу.

И наступила на чей-то ботинок.

— Тихо, — сказал мужчина.

Я дёрнулась назад.

Он отступил ровно настолько, чтобы я не ударилась о стену, но из укрытия не вышел.

Это был человек с улицы.

Близко он выглядел моложе, чем мне показалось издалека. Тёмные волосы, усталые глаза, короткая щетина. На рукаве пальто высохли светлые брызги. Стакан стоял на каменном выступе возле локтя.

— Вы здесь… — начала я.

— Уже был.

— Я не знала.

— Теперь знаете.

Мы оба выглянули из ниши и одновременно втянули головы обратно.

На перекрёстке появился Артём. Он вышел из двери, которую я не заметила, заправил газету под мышку и пошёл к набережной.

— Вам кто нужен? — спросил мужчина.

— Никто.

Он посмотрел на бинокль в моей руке.

Я повернула его гладкой стороной к нему. Вышло ещё хуже: с этой стороны сердце было особенно убедительным.

— Город смотрю.

— Как впечатления?

— Мокро.

— Обычно так и бывает.

Он стоял между мной и выходом, но дорогу не перекрывал. Я могла уйти. От этого почему-то было труднее придумать повод остаться.

Артём снова остановился, теперь у газетного автомата. Мужчина рядом со мной подался вперёд.

— Вы за ним? — спросила я.

Он медленно повернулся.

Вопрос получился слишком осведомлённым для человека, который смотрел город.

— А вы?

— Я первая спросила.

— Но на мой ботинок наступили вы.

Я посмотрела вниз. След моего носка уже затянуло дождевой влагой.

— Извините.

Он чуть кивнул.

Снаружи заскрипела тележка. Мы замолчали, пока она не проехала мимо.

— Марина, — сказала я наконец.

Он посмотрел на протянутую руку, убрал блокнот в карман и пожал её.

Ладонь была холодной, пальцы — вполне настоящими. Не серыми. Вблизи я различила и оттенок кожи, и коричневый ободок вокруг зрачка. Но стоило перевести взгляд на улицу, всё снова складывалось в чёрное и белое.

— Лев Сомов.

— Вы местный?

— Зависит от того, где кончается место.

Я подождала.

Он посмотрел на меня и добавил:

— Да. Здесь работаю.

— Понятно.

— А вы не здесь.

Это прозвучало не вопросом.

Я хотела спросить, по шарфу ли он определил, но он уже снова смотрел на перекрёсток.

У Артёма зазвонил телефон. Он остановился, развернулся плечом к дождю и прикрыл трубку ладонью.

Мы стояли близко, в неудобной нише, и ждали окончания чужого разговора. У меня болело мокрое плечо. У Сомова остывал нетронутый чай. За несколько минут мы успели представиться, обменяться подозрениями и наступить друг другу на один ботинок.

Я неожиданно захотела рассмеяться.

Не потому, что происходило что-то особенно смешное. Просто я пришла посмотреть на чужую жизнь и нашла в узкой дыре стены ещё одного человека, который делал то же самое.

Сомов наклонился, чтобы лучше видеть улицу. Прядь упала ему на лоб, он убрал её тыльной стороной ладони, не отпуская края стены.

И я услышала:

Она вошла в мою жизнь, как входят неприятности, — без стука и в розовом.

Слова прозвучали отчётливо, почти возле уха.

Я повернулась.

Рот у Сомова был закрыт.

Он смотрел на Артёма с такой сосредоточенностью, что мне захотелось проверить, не стоит ли кто-то третий за моей спиной.

За спиной была стена.

Я перевела взгляд на его губы.

Он заметил.

— Что?

Я открыла рот и не сразу нашла подходящие слова.

— Можно я всё-таки не буду неприятностью?

Сомов посмотрел на меня внимательнее.

— Это было бы удобно.

— Я постараюсь.

— Тогда начните с объяснения, зачем вы следите за Беловым.

Он знал фамилию.

По улице прошла машина. На секунду её фары осветили нишу, мокрый рукав и розовую полосу между нами. Сомов не отодвинулся; я тоже осталась на месте.

— Мы с вами, кажется, смотрим один и тот же город, — сказала я.

— Пока — одного и того же человека.

Его губы двигались. Эти слова он произнёс вслух.

Я кивнула, чтобы не выдать, насколько важной вдруг стала разница.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.